

Игумен Виталий (И. Н. Уткин)

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Сергий (Страгородский), война и Родина: от святого царя- страстотерпца Николая II до Сталина

Аннотация. В годы Первой мировой войны архиепископ Сергий (Страгородский) занимал Финляндскую кафедру и был членом Святейшего Правительствующего Синода. Он принимал участие в подготовке всех церковных актов, направленных на организацию помощи раненым, семьям призванных на войну воинов, сиротам. Епархия под его руководством вела активную социальную работу.

Молитва о победе над врагом, утверждённая в 1914 году при прямом участии архиепископа Сергия, применялась затем в сокращённом виде и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Во время Первой мировой войны церковная печать активно участвовала в формировании образа врага. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Русская Церковь действовала сходным образом.

Одной из особенностей церковного дискурса периода Первой мировой войны являлось формирование образа врага внутренне-го. К концу 1916 года в церковной печати говорилось о всеобщем

отступлении от идеалов Святой Руси, жажде стяжательства и эгоизме, охватившем все классы населения.

В своей «Декларации 1927 года» Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) вновь обратился к военно-патриотической тематике.

Поворотной точкой в церковно-государственных отношениях послужили события 1939–1940 годов, связанные с воссоединением с СССР Западных Украины и Белоруссии и стран Прибалтики.

22 июня 1941 года митрополит Сергей (Страгородский) написал послание к пастве, в котором призвал к поддержке борьбы Советского государства против нацистов.

С первых дней войны Церковь начала активную патриотическую работу. Собирались средства в Фонд обороны, на раненых. Необычным для практики предыдущих войн был сбор прямо на вооружения — танковую колонну имени Димитрия Донского.

Важным этапом церковной деятельности митрополита Сергея явилось издание предназначенной для перевода на иностранные языки и массового распространения за рубежом книги «Правда о религии в России».

Ключевые слова: Церковь, патриарх Сергей, война, обновленцы, СССР, нацисты, патриотическая деятельность, образ врага, Родина, «Правда о религии в России»

Для цитирования: Виталий (Уткин И. Н.), игум. Сергей (Страгородский), война и Родина: от святого царя-страстотерпца Николая II до Сталина // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 80–127. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-80-127

25 февраля 1915 года архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) в Успенском кафедральном соборе Гельсингфорса (ныне — Хельсинки) торжественно встречал императора Николая II.

Автор «Гельсингфорского православного листка» так описывал впечатления очевидцев царского визита: «По ступенькам высокой соборной паперти, между стройных рядов учеников и учениц русских учебных заведений, восходил Государь к соборным дверям. Здесь, под сенью храма, встретил Помазанника Божия Преосвященный архиепископ Сергей... Одним мгновением показалось всем нам пребывание Государя

Императора в соборе. Не отрываясь смотрели мы на Него¹, когда Владыка приветствовал его речью и окроплял святой водой... После молебствия Его Высокопреосвященство благословил Государя Императора святым образом Коневской Божией Матери, доложив, что подлинник... по преданию принесён самим преподобным Арсением с Афона в Коневский монастырь на Ладожском озере» (Д. В. Ц. К празднику 1915: 7–8).

«И вот, Он, Великий Хозяин Русской Земли, перед нами, — восклицает автор статьи. — Смиренно склоняет Он чело Своё под благословение архипастыря, смиренно лобызает святой Крест и молится вместе со своим народом, благоговейно принимая подносимый образ Царицы Небесной» (Там же: 6).

Впрочем, затем император посетил Николаевский лютеранский собор, где был встречен под звуки органа архиепископом Абоским Иогансоном, а тот рассказал своему царю, как в «тяжёлое время 1812 года» императора Александра I поддерживали «божественные слова 90 псалма» (Пребывание 1915: 10). Такая конфессиональная уравнивленность царского визита вполне очевидна, учитывая, какую роль в Финляндии играло лютеранство.

Затем Государь посетил в лазаретах раненых и больных воинов (Там же: 10–11).

После визита в Гельсингфорс император Николай II удостоит архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского) ордена святого благоверного великого князя Александра Невского. В сопровождающей орден Высочайшей грамоте указывалось на заслуги архипастыря в деле «религиозно-нравственного воспитания и образования духовного юношества», имея в виду его труды на должности председателя Учебного комитета при Святейшем Синоде и ректора Санкт-Петербургской духовной академии, а также «утверждение в православной вере карел», проживающих на территории Финляндской епархии (Высочайшая грамота 1915: 3). В царском рескрипте ничего не говорилось о делах епархии во время войны. Вполне возможно, это было связано с тем, что война шла девятый месяц, а само награждение проходило по инстанциям загодя.

Тем не менее, как и во всех российских епархиях, в Финляндии труды по помощи раненым и призванным в армию воинам были весьма значительными.

¹ Местоимения, связанные с императором, традиционно писались с заглавной буквы, как и местоимения, связанные с Богом.

Именно на активные действия по такой помощи в годы Первой мировой войны в 1942 году будут указывать авторы книги «Правда о религии в России». Архиепископ Горьковский и Арзамасский Сергей (Гришин) писал в этом издании о событиях сравнительно недавних для его поколения: «Началась кровопролитная империалистическая война с немцами. Православная Церковь не осталась в стороне. Она оказывала все виды помощи русскими воинам. В этой помощи армии приняли участие и монастыри, и храмы, и верующие. Жертвовали деньгами и вещами. Устраивали лазареты, передовые перевязочные отряды, питательные пункты» (Правда о религии 1942: 42).

С мая 1911 года архиепископ Сергей (Страгородский) был членом Святейшего Синода (Одинцов 2013: 62). С началом Первой мировой войны синодалы показали личный пример помощи армии. Уже на заседании 20 июля 1914 года, посвящённом началу боевых действий, члены Синода повторили практику, принятую в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов, направив на «лазаретную помощь раненым и больным воинам всего жалования по Святейшему Синоду присутствующих в Синоде преосвященных и о процентном отчислении на этот предмет из жалования всех служащих в центральных учреждениях при Святейшем Синоде» (Рункевич 1916: 67–68). Через девять дней также на синодальном заседании было принято решение о передаче всех этих средств в период войны на «учреждаемый Святейшим Синодом лазарет», который открылся уже 1 октября 1914 года (Там же: 68–70).

Таким образом, архиепископ Сергей (Страгородский), постоянно участвуя в продолжительных сессиях Святейшего Синода и работе его учреждений, на протяжении всей Первой мировой войны вместе с другими синодалами-архипастырями, добровольно полностью отказывался от положенного за эти труды жалования, жертвуя его на нужды раненых воинов.

Во всех храмах осуществлялся тарелочный сбор в пользу раненых (Там же: 58). 20 июля 1914 года решением Синода был установлен специальный сбор в пользу Красного Креста (Там же: 52).

Был организован сбор вещей для армии. В ноябре 1914 года Синод утвердил специальный текст «Обращения пастыря к своим прихожанам о сборе пожертвований на нужды наших воинов», который необходимо было читать во всех храмах. Собирали тёплые вещи, а также рубахи, портянки, носки, холст, бумагею (Там же: 60–61).

Все эти церковные действия осуществлялись и в Финляндии под руководством архиепископа Сергия. Духовенство и прихожане посещали

раненых, распределённых по госпиталям и больницам, собирало вещи для армии (Не забывайте 1915: 14–15). «Гельсингфорский православный листок» из номера в номер публиковал корреспонденции о посещении госпиталей: «Прибыла в Гельсингфорс новая партия раненых воинов... в госпиталях нашли они любовь, внимание и заботливость» (Хотовицкий Добро пожаловать 1915: 5–6).

Настоятель Успенского храма Гельсингфорса, будущий ближайший сподвижник патриарха Тихона, ключарь Храма Христа Спасителя в Москве и священномученик протоиерей Александр Хотовицкий так описывал один из своих разговоров с ранеными: «— Знаете, батюшка, — признавался мне один, — тут очень хорошо, но скучно... — А разве тебе там под шрапнелями веселее? — Много веселее, — заговорили многие. — Конечно, опасно и голодно, но дружности чувства очень много...» (Там же: 5). «Побольше дружности чувства у всех сынов России в эту грозную годину, и не перестанет сверкать слава нашей Родины!» — делает вывод из этого разговора протоиерей Александр Хотовицкий.

15–16 августа 1915 года архиепископ Сергей, приехав из Петрограда, лично посетил все госпитали Гельсингфорса. Затем он прислал для воинов несколько сот Евангелий, Псалтирей и молитвословов (Д. В. Ц. Архипастырский подарок 1915: 3).

Крайне значимой темой в России в ходе Первой мировой войны являлась поддержка семей воинов, призванных на фронт. Ещё до войны, 25 июня 1912 года, был принят государственный закон, который обеспечивал семьи лиц, призванных в войска, и семьи добровольцев казённым пайком на всё время до возвращения призванного или, в случае его смерти, до назначения пенсии. Закон предусматривал, что паёк получали не только жена и дети, но отец, мать, дед, бабушка, братья и сёстры, если, конечно, они содержались трудом призванного (Рункевич 1916: 87–88). 26 июля 1914 года Святейший Синод с участием архиепископа Сергея (Страгородского) указал приходским попечительским советам взять на себя дополнительную заботу о семьях воинов. При этом от епархиальных архиереев требовали ежемесячных отчётов о динамике создания таких советов, числе семейств, которым оказывается помощь, и размере такой помощи (Там же: 91–92).

Приходское попечительство Успенского собора Гельсингфорса к февралю 1915 года собрало в помощь семьям воинов сумму в 14 тысяч финских марок (А. Х. Гельсингфорский приход 1915: 4). Протоиерей Александр Хотовицкий призывал, говоря о призванных в армию: «За

родную землю сражаются они, так стань же, родная земля, и ты за них, замени семье их защитника и кормильца» (Там же: 3).

В начале 1915 года Святейший Синод при участии архиепископа Сергия объявил повсеместный церковный сбор Великим постом в пользу детей воинов, павших на поле брани (Рункевич 1916: 126).

Святейший Синод призывал: «Настоящая великая война, призвавшая на поле брани, для защиты Отечества, верных сынов его, способных носить оружие, обязывает и всех, остающихся на местах своего жительства, нести свои силы и труды на алтарь Отечества» (Хотовицкий Чем отзовется 1915: 1). Мужским монастырям предписывалось принимать выздоравливающих раненых, а женским — сирот в приюты.

В связи с этим постановлением архиепископ Сергей предписал настоятелям Валаамского, Коневского монастырей, игумении Лентульского монастыря представить свои соображения на этот счёт, о чём публично сообщалось в местной епархиальной печати (Там же: 2).

В Успенском приходе Гельсингфорса по благословению архиепископа Сергия (Страгородского) в 1915 году были открыты ясли в помощь детям жён призванных на войну воинов (Ясли 1915: 9).

Однако церковный дискурс в годы Первой мировой войны не сводился только к обоснованию необходимости подобных сборов и помощи. На страницах церковной печати поднимались самые глубинные и принципиальные вопросы, связанные с войной.

В первую очередь речь шла о самом обосновании возможности для православного христианина участвовать в войне. Церковная печать, совместно со светскими изданиями, активно участвовала в формировании образа внешнего врага. Однако достаточно быстро в годы Первой мировой войны она перешла и к образу врага внутреннего — через тему необходимости преодоления немецкого духовного, культурного и экономического «засилья». Церковные авторы активно обсуждали меры социально-политического регулирования, начиная от ограничения на деятельность театров и кинематографов во время войны и фиксации государственных цен, ограничения экономического «хищничества». Церковные авторы участвовали в дискуссиях о внешнеполитических целях, которые должна была достичь Российская империя в ходе Первой мировой войны. Помимо темы «славянской взаимности», постоянно обсуждались исторические предпосылки и следствия предполагавшегося занятия российскими армией и флотом черноморских проливов, Константинополя, а также судьба Святой Земли и Иерусалима (Виталий (Уткин) 2023: 2).

То есть дискурс церковной печати был весьма обширным. Её авторы чувствовали себя полноценной частью единого общерусского информационного пространства.

В этом дискурсе в первую очередь обращает на себя внимание духовная мотивация к защите Отечества. У ряда церковных авторов она строилась исключительно на противопоставлении оборонительной и наступательной войн. При этом источником любой наступательной войны провозглашалась «злая духовная воля», утверждалось, что долгом христианина является сопротивление такой воле. Столкновение с таким злом рассматривалось в качестве испытания для каждого православного христианина в отдельности и «исправления» всего общества в целом. Война провозглашалась «Судом Божиим над народами» (Виталий (Уткин) 2023: 51–52).

Внутри такой позиции всё было просто и понятно. Один из её активных разработчиков, рязанский церковный автор, протоиерей Павел Алфеев писал, что наступательная война — «от дьявола», оборонительная — «от Бога». Первая есть зло, нарушение заповедей Христовых, вторая — добро и выполнение таких заповедей (Алфеев 1915: 192–194). Такие построения опирались на официальную российскую позицию периода Первой мировой войны, согласно которой именно Германия и Австро-Венгрия рассматривались в качестве агрессоров, а Россия вместе с её «доблестными союзниками», Великобританией и Францией, представлялась исключительно обороняющейся стороной.

Вторая, более сложная позиция исходила из праведности той войны, которая ведётся ради защиты справедливости, освобождения от угнетения. Отсюда следовало, что сама такая война может быть как оборонительной, так и наступательной. Однако и такая позиция предполагала ярко выраженный образ врага, дегуманистического по своей сути. Один из её представителей, рязанский семинарский преподаватель А. Ф. Карашев, опираясь, как и прочие церковные авторы, на сообщения светской печати, пишет о германцах: «Они добивают наших раненых, десятками расстреливают мирных жителей, не щадят женщин и детей, разрушают вековые святыни» (Карашев 1914: 958).

В церковном дискурсе 1914–1917 годов война рассматривалась как столкновение в грандиозном мировом конфликте сил абсолютного добра и абсолютного зла, начинающая принципиально новую главу мировой истории (Краснопевцев 1914: 427).

26 июля 1914 года Святейший Синод при участии архиепископа Сергия издал определение о добавлении в ектении особых прошений

и чтении за Божественной литургией и на молебнах особой молитвы о победе (За императора 1914: 359–360). В молитве говорилось, что «враги наши собрались против нас, чтобы погубить нас и разорить святыни наши... несправедно они восстали на нас» (Молитва 1914: 10). «Доблестному же воинству нашему, — говорилось далее в молитве, — и воинству народов в союзе с нами сущих, подай во многом дерзновении о имени Твоём победить» (Там же). То есть как бы на стороне «абсолютного добра» оказывалась и Великобритания, являвшаяся в реальности одним из главных виновников Первой мировой войны.

В период 1941–1945 годов эта молитва в значительно сокращённом и трансформированном виде также читалась за Божественной литургией. Из неё, по сравнению с Первой мировой войной, были удалены фрагменты с призыванием помощи императору и союзникам (Правда о религии 1942: 87–88).

Церковная печать, вслед за светской, развивала образ врага. Говорилось о «неслыханных зверствах» немцев. Характеристика противника за три года войны превратилась в набор штампов — немцы «охвачены бесовской гордыней и буйством», они достигли степени «полнейшего одичания», разрушают и сжигают храмы (Виталий (Уткин) 2021: 148).

С удовлетворением церковная печать отмечала создание императором Николаем II Чрезвычайной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками (Чрезвычайная 1915: 652). Схожая комиссия действовала и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Как и в период Первой мировой войны, её материалы активно использовались в политработе (Зверства 1941; Зверства 1942; Немецкие зверства 1942; Сборник 1946).

Более того, в период Великой Отечественной войны заново массовым тиражом были опубликованы материалы императорской Чрезвычайной комиссии, чтобы подчеркнуть полное сходство действий захватчиков в обеих войнах, выстроить единый негативный образ германского военнослужащего, охарактеризовать саму психологию немецкой нации (Документы 1942).

Однако, как мы уже сказали, образ внешнего врага достаточно быстро трансформировался в образ врага внутреннего. Практически сразу же после начала боевых действий началась борьба с «немецким засильем» внутри страны. Подразумевалось как конкретное экономическое и финансовое влияние немцев, в том числе российских подданных, так и сама зависимость отечественного образования, науки, культуры от Германии

на протяжении предшествующего длительного периода. Церковные авторы, даже священнослужители, как, например, пензенский священник Пётр Романовский, позволяли себе писать о том, что в России развилось «множество германских паразитов», «баронов, фонов и прочих тевтонов», которые не должны избежать «рук правосудия». Этот автор, вслед за московскими промышленниками и финансистами, потомками старообрядцев, требовал удаления из России крупных немецких собственников, преимущественно прибалтийских (Романовский 1915: 57–59).

Можно констатировать, что немецкие погромы 1915 года в Москве стали репетицией последующих революционных событий. Активно подогреваемый публицистикой внутренний раскол всё в большей степени приближал Россию к краю бездны.

К осени 1916 года в качестве внутреннего врага авторами церковной печати рассматривались уже «банкиры», «фабриканты», «заводчики», «сельские хозяева», «торговцы», породившие «эпидемию ненасытной алчности и гнусной наживы», охватившую общество. С точки зрения таких авторов «Святая Русь» на глазах превращалась в «скопище лихоимцев и грабителей» (Источников 1916: 1003–1005).

Церковные публицисты отмечали, что «любой класс населения» русского «народа-богоносца» в ходе войны вдруг проявил «волчьи аппетиты», вне зависимости от того, идёт ли речь о «банкире, рабочем или извозчике» (Н. М. Куда идёт 1917: 47).

В 1916 году многие епархиальные издания перепечатали неподписанное «Слово против торгового мародёрства», где говорилось, что в России произошло нечто «нелепое и странное», над ней пронеслась «тень Сатаны», страна стала «жалкой и нищенской», причём сделано это не немцами, а русскими руками, охваченными «жаждой наживы» (Слово против 1916: 268).

Таков был контекст внутрироссийских нестроений, в котором уже в августе 1915 года архиепископ Сергей в Успенском соборе Гельсингфорса произнёс проповедь, озаглавленную в печати «Единое на потребу». Он говорил о трагедии отступления армии, когда пришлось «отдать обратно врагу русские земли, обагрённые священной кровью русских богатырей», о процветающем в обществе «ростовщичестве, страсти к наживе, к скорому обогащению за счёт общей нужды и страданий, спекуляции на предметах первой необходимости», о «снарядном голоде», выявившем «роковые пробелы в нашем хозяйстве», необходимости «работать и работать не покладая рук», с «утроенной энергией» (К недавнему

1915: 3). Причину всех неурядиц и поражений архиепископ Сергей видел в том, что «правда Божия забыта... много грешны все мы против правды Божией, должны к ней возвратиться», «сесть у ног Спасителя и слышать слово Его» (Там же). По словам архипастыря, нужно «одухотворить всю работу общим духовным подвигом» народа, «самоочищением, воздержанием, молитвой к Богу» (Там же: 4).

Ничего подобного вот этим оценкам внутреннего неустройства и поискам внутреннего врага нельзя встретить в церковной публицистике периода 1941–1945 годов, хотя образ внешнего врага и там активно развивался.

А к 1917 году в церковной печати складывается устойчивое представление о скорых изменениях в России. В октябре 1916 года «Пензенские епархиальные ведомости» писали о необходимости «пересоздать» заново «само общество» (Евграфов 1916: 657). В новогоднем номере наступающего 1917 года «Тульские епархиальные ведомости» писали о необходимости победы над тем «злым и смрадным», что «выползло на свет», грозит «отравить чистые источники народного порыва». Утверждалась необходимость и неизбежность «перерождения, очищения и соединения в одном могучем порыве к победе», ради того, чтобы преодолеть «тяжкие ошибки и ложные шаги» прошлого (Краснопевцев 1917: 105).

Ключевыми для всего церковного дискурса периода Первой мировой войны были идеи не только консолидации общества, но и его радикального обновления. Более того, сама война как минимум к 1916 году характеризовалась не просто как Отечественная, Вторая Отечественная или Великая, но именно как «Великая Отечественная война». Именно такое наименование война получила в книге русского церковного писателя-историка, обер-секретаря Святейшего Синода С. Г. Рункевича «Великая Отечественная война и церковная жизнь», вышедшей в 1916 году (Рункевич 1916: 1). Автор писал: «Настоящая Великая Отечественная война принадлежит к такого рода мировым явлениям, которые с самого момента действительности переходят на страницы истории» (Там же).

Такое наименование было вполне справедливым, так как считалось, что война ведётся против абсолютного врага, эсхатологического зла, воплощение которого видели в германском милитаризме. Итогом войны должно было стать коренное изменение положения православной России в мире. Предстоит не только геополитическое торжество России, но и торжество православия. Более того, по итогам войны Россия должна коренным образом измениться и обновиться внутри. Например, один из инструментов такого обновления — «отрезвление», не просто введение

ограничений на продажу спиртного, но радикальное изменение образа жизни граждан.

Именно для достижения этих глобальных целей и выдвигались с самого начала боевых действий лозунги «Всё для войны!» и «Всё для Победы!» (Всё — для конечной победы 1915: 648).

Как мы видели выше, считалось, что война выявила огромные внутренние противоречия в российской жизни, её зависимость от чуждого влияния, внутреннее духовное и моральное оскудение. Поэтому и ожидалось обновление Отечества.

Фактически перед нами дискурс Февральской революции 1917 года, которая её современниками воспринималась в качестве патриотического акта.

6 (19) марта 1917 года Святейший Правительствующий Синод обратился к пастве с воззванием о поддержке Временного правительства. Наряду с будущим священномучеником Владимиром (Богоявленским), митрополитом Киевским, будущим исповедником святителем Макарием (Невским), митрополитом Московским, будущим патриархом, святителем Тихоном (Беллавиным), архиепископом Литовским, будущим священномучеником Василием (Богоявленским), архиепископом Черниговским, митрополит Финляндский Сергей (Страгородский) подписал этот один из самых пререкаемых документов в русской церковной истории.

Он начинался словами «Свершилась воля Божия, Россия встала на путь новой государственной жизни» (Ради мира 2006: 11). Необходимость довериться Временному правительству мотивировалась здесь констатацией военного напряжения: «Враг ещё стоит на нашей земле. Славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия» (Там же: 11–12). В послании звучал призыв к консолидации страны «ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных Родиной для защиты от врага... оставьте в это историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо Родины» (Там же: 12).

Революционные годы и ожесточённая Гражданская война отодвинули в сторону церковную военно-патриотическую тематику.

Однако развитие новой власти, ставшей постепенно на протяжении 1920-х годов одной из форм исторической государственности России, необходимость налаживания церковно-государственных отношений вновь вернули такую тематику в повестку дня.

В известном послании к пастве («Декларации») Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергея

(Страгородского) и временного при нём Патриаршего Священного Синода от 29 июля 1927 года явственно указывается на «зарубежных врагов Советского государства», «выступления» которых «не прекращаются»: «убийства, поджоги, налёты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах» (Акты 1994: 510).

Одна из главных целей «Декларации» — показать, что «церковные деятели не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством» (Там же). Именно поэтому верующие, как говорится в послании, должны «не на словах, а на деле» показать, что могут быть «верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти». Отсюда проистекает вызвавшее тогда и вызывающее до сих пор потоки не просто критики, а самой настоящей ненависти утверждение митрополита Сергия: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» (Там же).

Эта гражданственно-политическая идентичность Патриаршей Церкви в СССР определяется внешними вызовами по отношению к своей стране: «Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознаётся нами как удар, направленный в нас» (Там же: 511–512).

В послании тема военной внешней угрозы напрямую пересекается с тематикой Русской Православной Церкви Заграницей, указывается на то, что патриарх Тихон своим решением от 5 мая 1922 года упразднил заграничный Синод, который тем не менее продолжает существовать. Митрополит Сергей призвал зарубежные церковные круги «не прерывать со своей родной Церковью и Родиной», условием чего теперь являлся пересмотр эмигрантами «своего отношения к Советской власти» (Там же: 512).

Спустя шесть лет митрополит Сергей объяснял, что этим он «не хотел навязать эмигрантам, не желающим быть гражданами СССР, советскую политическую программу», а только «налагал на заграничных духовных лиц ограничение их внешней деятельности», чтобы они не попали под «нажим партийных политиков», под которыми понимались антисоветские зарубежные монархисты (Митрополит Сергей 2020: 483).

В послании к сербскому патриарху Варнаве в 1933 году митрополит Сергей отмечал, что «одним из главных членов веры» «монархической партии, заправлявшей Краловацкой группой», было предположение

о падении советской власти «в ближайшие годы, если не месяцы». «Расчёты монархистов оказались битыми», — писал митрополит Сергей (Митрополит Сергей 2020: 481).

Внешней угрозой СССР определялась и публичная позиция митрополита Сергия (Страгородского) в начале 30-х годов по отношению к политическим заявлениям папы Пия XI, а также архиепископа Кентерберийского. Митрополит Сергей в «интервью с корреспондентами иностранной печати», опубликованном в газете «Известия» 19 февраля 1930 года, характеризовал такие заявления как «призывы к крестовому походу против СССР». Он подчёркивал, что такие призывы «имеют целью нанести вред Советскому государству как в пределах СССР, так и за границей» (Акты 1994: 687). Он заявлял, что за один только 1929 год католики в Польше отобрали у православных около 500 церквей, однако при этом был вынужден дипломатично уклоняться от ответа на вопрос, сколько храмов было закрыто в СССР в том же самом году (Акты 1994: 687).

В своём послании пастве, опубликованном в начавшем издаваться «Журнале Московской Патриархии» в 1931 году, митрополит Сергей вновь выступил против антисоветских заявлений римского папы, «исполненных», по его словам, «всякой неправды» и преследовавших цели, «совсем, казалось бы, не свойственные смиренному служителю алтаря» (Митрополит Сергей 2020: 430). Это отвержение католических «проповедей», как выразился митрополит Сергей в послании, «своеобразного крестового похода против нашей Родины» он основывал на невозможности молчать именно в качестве патриота СССР («верного сына нашей Родины») (Митрополит Сергей 2020: 430).

В 1934 году в жизни Патриаршей Церкви произошло значимое событие — митрополит Сергей (Страгородский) был возведён на Московскую кафедру и из Заместителя стал Патриаршим Местоблюстителем. Издававшийся в 1931–1935 годах новый церковный орган, «Журнал Московской Патриархии», отмечал, что это действие стало восстановлением самой идеи патриаршества в «Русской автокефальной Церкви», вдовствующая кафедра её первого епископа была наконец-то замещена. Патриаршая Церковь консолидировалась. 2 мая в Елоховском Богоявленском соборе Москвы прошли торжества, в которых приняли участие 20 архиереев, 44 священника, 15 диаконов (Журнал 2001: 211–215).

После тяжелейших испытаний, пройденных Патриаршей Церковью, в 1939 году начался существенный поворот в церковно-государственных отношениях. Он был связан с началом мировой войны.

Чем больше нацистская Германия проявляла свою внешнюю экспансию, тем более резкой становилась политическая церковная поляризация. По сути, можно говорить о начале церковно-политической гонки за управление епархиями, оказавшимися в зонах германского, а затем и советского контроля.

В августе 1936 года после смерти первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Антония (Храповицкого) эту зарубежную структуру возглавил митрополит Анастасий (Грибановский). Симпатизируя монархии, он стремился выстраивать «добрые отношения» с разными эмигрантскими движениями и деятелями антикоммунистической направленности, включая создателя Всероссийской фашистской организации А. А. Восняцкого, женатого на американской миллионерше. Впрочем, не чуждался он связей и с организациями, объявленными ранее РПЦЗ «масонскими», такими как ИМКА и РСХД (Кострюков 2007: 49).

В 1938 году Архиерейским Синодом РПЦЗ была введена для употребления за богослужениями формула молитвенного поминовения «о богохранимой стране Российской и Российском Императорском Доме», что стало выражением совершенно чёткой политической позиции (Кострюков 2007: 50).

Особенно значимым стал Второй Всезарубежный собор РПЦЗ, прошедший в 1938 году. В своём послании «Русской пастве, в рассеянии сущей» собор призвал восстановить в России монархию. И именно Церковь рассматривалась как центр такого возрождения «на исконных русских исторических началах» (Кострюков 2007: 52).

Одновременно на территории Германии происходило сближение Русской Православной Церкви Заграницей с нацистским режимом. 14 марта 1936 года правительство Пруссии признало Берлинскую и Германскую епархию РПЦЗ «корпорацией публичного права», это постановление было распространено и на другие земли рейха (Кострюков 2007: 56). 26 марта того же года Архиерейский Синод РПЦЗ принял следующие молитвенные формулы — на великой ектении: «о христоробивых властях народа германского, Правительстве и воинстве его, Господу помолимся», на сугубой ектении: «ещё молимся о христоробивых властях народа германского, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении их и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити им во всех и покорити под нозе их всякого врага и супостата» (Кострюков 2007: 56).

Однако этого показалось недостаточно, и 8 июня того же 1936 года Архиерейский Синод изменил формулу, почеркнув особый статус Гитлера.

Теперь русским православным христианам в Германии предписывалось молиться так — на великой ектении: «о христолюбивом Вожде народа Германского, правительстве и воинстве его, Господу помолимся», на сугубой ектении: «ещё молимся о христолюбивом Вожде народа германского, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении их и Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити им во всём и покорити под нозе их всякого врага и супостата» (Кострюков 2007: 57).

Важнейшим событием германской «православно-церковной» жизни 1930-х годов стало строительство в Берлине Воскресенского кафедрального собора. Материальную помощь оказали правительство Германии, а также местная Евангелическая церковь, правительство Югославии, король Болгарии, сербский патриарх Варнава, варшавский митрополит Дионисий, пожертвовавший собору иконостас (Кострюков 2007: 58). Храм был торжественно освящён 12 июня 1938 года. Присутствовали представители нацистского правительства Германии. При входе были подняты русский триколор и нацистский флаг. Митрополит Анастасий (Грибановский), возглавивший освящение собора, по окончании богослужения огласил свой благодарственный адрес Гитлеру, благословляя его на борьбу с коммунистами, «желающими гибели и нашего народа» (Кострюков 2007: 59). Митрополит Анастасий выражал надежду, что «и для нашей многострадальной Родины ещё не наступил конец истории», а Бог пошлёт ей «Вождя», который её «воскресит», подобно тому как Он якобы послал Гитлера германскому народу (Кострюков 2007: 59).

В августе 1939 года Архиерейский Синод РПЦЗ назначил епископом Берлинским и Германским этнического немца Серафима (Ляде). Свои письма он стал подписывать формулой «Хайль Гитлер», принятой в официальной переписке рейха (Кострюков 2007: 57–58).

Вместе с расширением территории рейха расширялась и Берлинская епархия. Германское Министерство церковных дел стремилось создать единую епархию на всех оккупированных территориях, чтобы со временем превратить её в автокефальную Поместную Церковь. В Берлинскую епархию были включены приходы Западноевропейского экзархата в Германии и Чехии. В мае 1941 года к Берлинской епархии присоединилась Чешская епархия Сербской Православной Церкви. Затем наступила очередь приходов в Австрии, Судетской области, Словакии, Богемии и Моравии, Люксембурге и Бельгии. 26 мая 1942 года с разрешения правительства Германии было принято решение о преобразовании Берлинской епархии в Среднеевропейский митрополичий округ. В западных районах

Польши, непосредственно присоединённых к Германии, православные храмы ещё в 1939 году стали частью Берлинской епархии. 23 ноября 1939 года митрополит Дионисий (Валединский) заявил об упразднении польской автокефалии. Накануне он передал власть архиепископу Серафиму (Ляде). Однако нацисты пожелали сохранить Польскую Церковь для создания украинской националистической церковной структуры (Кострюков 2005: 63–69).

Таким образом, «православная» структура рейха активно приближалась к новым границам СССР.

22 июня 1941 года митрополит Серафим (Ляде) обратился с воззванием к «русскому народу». В нём прямо говорилось: «Пробил час освобождения нашей многострадальной, дорогой Родины от власти богоборцев. Вождь Германского народа, канцлер Хитлер объявил крестовый поход против поработителей России. Началась страшная, решительная борьба с красными дьяволами. Открылась священная война со злейшими врагами русского народа и всего человечества. За вождём германского народа пошли в бой с мировыми злодеями многие народы Европы. Россия накануне освобождения и возвращения к новой лучшей жизни, к свету, к славе, к величию. Да будет благословен день и час, когда началась великая славная война с III Интернационалом. Да благословит Всевышний великого вождя германского народа, поднявшего меч на врагов самого Бога. Да погибнет дьявольская шайка злодеев, распявших Россию. Да исчезнет с лица земли масонская звезда, серп и молот. Да воссияет на родной земле и во всей вселенной Крест Христов... Именем Божиим, Крестом Христовым благословляю всех борцов за освобождение России, за её грядущую славу и величие. С нами Бог!» (Русская военная эмиграция 2017: 223–224). Здесь же митрополит Серафим призывал «всех верных сынов России» на «великий, славный, ратный подвиг» по примеру святого благоверного князя Александра Невского, великого князя Дмитрия Донского, патриарха Гермогена и всех «угодников и молитвенников за Русскую землю» (Русская военная эмиграция 2017: 225–226).

Через четыре дня, 26 июня 1941 года, Глава Российского императорского дома, за которого было предписано в РПЦЗ возносить молитвы во время богослужения, великий князь Владимир Кириллович обратился «ко всем верным и преданным сынам нашей Родины» «способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма» в час, когда

«Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма»².

Именно отсюда и происходили утверждения советской печати о стремлении Гитлера вернуть царский строй. Уже 28 июня 1941 года «Правда» писала: «В обозе второго разряда германской фашистской армии, где-то между походными кухнями и домашним скарбом господ офицеров, скромно следует “русский царь”. Его спешно изготовили в Берлине из первого попавшегося под руку материала»³ (Заславский: 5). Статья Д. Заславского, откуда приведена данная цитата, казалось бы, была размещена всего на пятой странице номера. Однако она дала старт крупной информационной кампании, посвящённой связи нацистов и русских монархистов.

Характерен, например, изданный массовым тиражом плакат А. М. Любимова с такими стихами:

В германском обозе волнение не зря —
Фашисты везут для России царя!..
Сидит он, качаясь, на тощем коне
И спяну в Москве себя видит — во сне...⁴

В своей статье Д. Заславский писал не только о претензиях на престол великого князя Владимира Кирилловича, но и о других возможных кандидатах в «цари».

Эта ситуация и позволила И. В. Сталину сказать в своём обращении по радио 3 июля 1941 года, что враг «ставит своей целью» «восстановление царизма» (Сталин 1948: 13). Дискурс зарубежной монархической эмиграции занимал видное место в восприятии изнутри СССР многих тогдашних европейских событий, вне зависимости от известных ныне реальных планов нацистов в отношении советских территорий и их дальнейшего устройства.

События в православной монархической эмигрантской среде, особенно в быстро растущей Германской епархии РПЦЗ 1938–1941 годов, не могли не вызвать ответную реакцию в СССР. Здесь в противовес нацистам также стали активно использовать Церковь.

² Обращение Главы Российского императорского дома государя великого князя Владимира Кирилловича // Газета «Монархист». — Легитимизм. — URL: <http://monarhist.info/LEG/1941/Obrastchenie-26-06-41.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Заславский Д. Заготовка царей в Берлине. — Правда. — 1941. — 28 июня. № 177. — С. 5.

⁴ Кто вместе с фашистским сбродом хочет править нашим народом... [Изоматериал] : [плакат] / худож. А. М. Любимов. — [Л.] : Искусство, 1941. — 1 л. : хромолитограф.

После отстранения в ноябре 1938 года от руководства НКВД Н. И. Ежова начался пересмотр многих следственных дел, в результате которого были освобождены из заключения несколько архиереев и сотни священнослужителей (Шкаровский 2005: 95). Начинает меняться тон прессы в отношении Церкви, 950-летие Крещения Руси отметил даже журнал «Безбожник». Тогда же, в 1938 году, был снят фильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский», прославлявший великого князя, много столетий назад уже прославленного Церковью. Третья «безбожная пятилетка» так и не была провозглашена, не состоялся запланированный III съезд «Союза воинственных безбожников». Количество членов последнего упало с более чем пяти с половиной миллионов до двух миллионов, хотя в составе союза к 1938 году планировалось иметь 22 миллиона членов (Шкаровский 2005: 95–96).

Перед началом Второй мировой войны, к лету 1939 года, в Русской Патриаршей Церкви оставалось менее 15 архиереев, из них лишь четверо были правящими — Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский), митрополит ленинградский Алексей (Симанский), управляющий делами Московской Патриархии архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) и архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич). Ещё около 10 архиереев жили на покое или служили в качестве настоятелей храмов. При этом самих епархий как административных структур практически не существовало, а отдельные приходы поддерживали нерегулярные связи с Патриархией (Шкаровский 2005: 99).

Церковь пережила тяжелейшие репрессии. По данным Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, обладающего наиболее полной базой репрессированных из числа священнослужителей, монашествующих и связанных с Церковью мирян, в 1937 году на 11 тысяч 174 ареста таких лиц пришлось 6 тысяч 340 расстрелов. На 1938 год приходится 1 тысяча 862 ареста, но 2 тысячи 807 расстрелов, в том числе тех, кто уже находился в заключении раньше. Сравнимого с этими двумя годами расстрелов церковных людей не было никогда ни до, ни после. Даже в период прямого гонения 1922 года на 1 тысячу 143 ареста пришлось 63 расстрела, в страшном для Церкви 1930 году во время коллективизации на 4 тысячи 486 арестов — 484 расстрела. Эти данные можно считать достаточно репрезентативными, хотя они и не учитывают обновленцев⁵.

⁵ Авторский расчёт на основании: Электронный биографический справочник «За Христа пострадавшие». Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. — URL: <https://pstgu.ru/baza-dannykh-za-khrista-postradavshie/> (дата обращения: 01.04.2024).

В 1939 году на 131 арест пришлось 99 расстрелов. Аресты и расстрелы церковных людей продолжались на постоянной основе вплоть до 1953 года. За годы Великой Отечественной войны было произведено 729 таких арестов, расстреляны 736 человек. Пиком расстрелов стали 1942–1943 годы (345 и 123 соответственно)⁶. Структура этих арестов и расстрелов ещё ждёт своего будущего исследователя. В том числе представляется важным выяснить, какая часть из этих арестованных и расстрелянных церковных лиц в силу своего мировоззрения и предыдущего опыта стояла на антигосударственных позициях по эту линию фронта, а кто оказался замешан в сотрудничестве с оккупантами.

К началу Второй мировой войны Патриаршая Церковь оказалась в полумаргинальном состоянии. Широко распространились «тайные священники», в подполье происходила активная деформация самой церковности, там имели место не только редукция богослужения и вероучения, но и смешение с беспоповской и сектантской средой. Ряд общин начал управляться мирянами, примером чего являются воронежские так называемые дедушки, а некоторые пришли и к женскому псевдосвященству (Беглов 2018: 203–223).

Датой начала коренных изменений в этой ситуации можно считать 17 сентября 1939 года, начало освободительного похода Красной армии в западные области Украины и Белоруссии. Через год после начала Второй мировой войны в состав СССР вместе с этими территориями вошли Прибалтика, Бессарабия, Северная Буковина с более чем семью с половиной миллионами православных верующих. Здесь имелись работоспособные епархиальные структуры и монастыри (Шкаровский 2005: 101–102). Их необходимо было взять под контроль, особенно на фоне быстро растущей прогитлеровской Германской епархии по ту сторону новой государственной границы СССР. Обновленческие структуры для этого были бесполезны, они не имели в глазах православных людей с новых территорий никакой легитимности. Государственная власть оказалась перед необходимостью возрождения структур Патриаршей Церкви.

28 октября 1940 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) издал указ об образовании в западных областях Украины и Белоруссии Экзархата в составе пяти епархий, имевших 2050 храмов. Экзархом был назначен архиепископ Николай (Ярушевич). Перед этим на новых территориях уже потрудился управляющий делами Московской

⁶ Там же.

Патриархии архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) (Сурков 2012: 229). По свидетельству современников, архиепископ Николай, прибыв в новосозданный экзархат, не произносил политических речей и советовал духовенству не вмешиваться в политику (Сурков 2012: 231).

Архиепископ Волынский и Луцкий Николай (Ярушевич) проявлял личную храбрость, не показывая своего страха перед возможными терактами со стороны националистов. Свидетель его деятельности в Экзархате протоиерей Г. Соловей вспоминал, что архиепископ Николай ездил везде без охраны и свиты, принимал у себя всех желающих (Соловей 1955: 37).

Протоиерею Г. Соловью на пасхальной седмице 1941 года довелось сопровождать архиепископа Николая в Почаевскую лавру. Он передаёт следующие слова, сказанные ему Экзархом в купе поезда: «Всякое стремление нарушить лояльность между Церковью и государством, всякое намерение сделать Церковь орудием нецерковных интересов, всякая попытка, укрывшись рясой, наносить ущерб своему народу и государству богопротивны и оскверняют Церковь. Поэтому они недопустимы и преступны» (Соловей 1955: 38).

В конце 1939 — начале 1940 года государственная власть, нуждающаяся теперь в деятельности Московской Патриархии на новых территориях и за рубежом, значительно уменьшила давление на Церковь, подчёркивая религиозную терпимость. Изменился тон партийной прессы. Журнал «Антирелигиозник» назвал «вредной шумихой» «внешне эффективную деятельность по закрытию церквей». В 1940 году была отменена пятидневная рабочая неделя, и воскресенье вернулось в качестве выходного дня (Шкаровский 2005: 104).

В январе 1941 года управляющий делами Московской Патриархии архиепископ Сергей (Воскресенский) был назначен митрополитом Литовским и Виленским. Епископом Кишенёвским был назначен Алексей (Сергеев) (Шкаровский 2005: 105).

Народный комиссариат внутренних дел активно занимался вопросом государственного переустройства новых территорий. 9 февраля 1941 года народный комиссар государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов направил И. В. Сталину и В. М. Молотову записку «Об автокефалистах в Прибалтике», где предлагал через подчинение в Литве, Латвии и Эстонии Московской Патриархии создать там «обычные епархии» (Курляндский 2011: 534).

24 марта 1941 года указом митрополита Сергея (Страгородского) в Латвии и Эстонии был учреждён Экзархат. Его главой был назначен

митрополит Сергей (Воскресенский). 28 марта прибалтийские архиереи в Елоховском Богоявленском кафедральном соборе Москвы прошли процедуру публичного покаяния, воссоединились с Московской Патриархией и вновь вернулись в Прибалтику (Шкаровский 2005: 107).

В крупнейший монастырь новых территорий, Почаевскую Свято-Успенскую лавру, был командирован благочинный трёх районов Московской области архимандрит Панкратий (Гладков) (Шкаровский 2005: 105).

Принципиально важным для окончательной легализации Московской Патриархии стал факт новых архиерейских хиротоний — для новых территорий. Весной 1941 года во епископа Черновицкого был хиротонисан Дамаскин (Малюта), во епископа Пинского — Вениамин (Новицкий) (Шкаровский 2005: 105).

Все эти события стали следствием сближения Патриаршей Церкви и государства на фоне Второй мировой войны, идущей с сентября 1939 года, и вызванных ею территориальных изменений. В центре церковно-государственных отношений находилась фигура Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского).

Ярким видимым проявлением нового положения Патриаршей Церкви стали московские торжества 10 марта 1941 года, посвящённые 40-летию архиерейской хиротонии Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергея (Страгородского). Они прошли в кафедральном Богоявленском Елоховском соборе. В них приняли участие 11 архипастырей, включая архиереев новых территорий. Торжества были предельно комплиментарно описаны в американской эмигрантской газете «Новое русское слово» Дмитрием Александровичем Ишевским, что само по себе было весьма показательным явлением⁷.

Д. А. Ишевский перед Первой мировой войной издавал еженедельник «Неделя», с началом боевых действий создал фотоисторическое бюро при Главном комитете Всероссийского земского союза. После революции активно поддерживал патриарха Тихона. В эмиграции переписывался с митрополитом Литовским и Виленским Елевферием⁸ и, что особенно

⁷ Ишевский Д. А. Юбилей Патриаршего Местоблюстителя // Новое русское слово. — 1941. — 24 мая. — № 10332.

⁸ ГА РФ. Ф. Р7342. Оп. 1. Д. 8. Переписка Д. А. Ишевского с митрополитом Литовским и Виленским Елевферием. Копии.

значимо, с Экзархом Патриаршей Церкви в США архиепископом (с 1938 года — митрополитом) Вениамином (Федченковым)⁹.

Д. А. Ишевский так описывает обстановку в Елоховском соборе 10 марта 1941 года: «Задолго до начала торжественной Литургии Преждеосвященных Даров я с трудом пробирался к алтарю. Несмотря на необычайную тесноту в храме, народ двумя плотными стенами стоял по краям дорожки из живых цветов» (Правда о религии 1942: 62). В алтаре он увидел «горы золочёной парчи епископских и священнических облачений, множество митр», Патриаршего Местоблюстителя встречал «сонм столичного митрофорного духовенства» во главе с протоиереем Николаем Колчицким (Правда о религии 1942: 62).

Д. А. Ишевский приводит адрес, поднесённый юбилару, оглашённый Экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским). Здесь митрополит Сергей (Страгородский) именуется «полномочным носителем патриаршей власти в звании Блаженнейшего Местоблюстителя автокефальной Православной Российской Церкви», говорится, что избранный им для Церкви путь соединил «полное сохранение апостольского преемства и чистоты православного учения» с «полной и высокой лояльностью Церкви и воспитания в чадах Церкви любви к Родине», дабы они «оставаясь православными, помнили свой долг быть гражданами Союза не только из страха, но и по совести» (Правда о религии 1942: 65).

22 июня 1941 года Патриарший Местоблюститель, митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) собственноручно на пишущей машинке написал послание к пастве, которое стало хрестоматийным для понимания позиции Московской Патриархии в годы Великой Отечественной войны.

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину», — говорится в послании. Здесь чётко создаётся привычный по Первой мировой войне образ врага, против которого ведётся справедливая оборонительная война: «Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю» (Правда о религии 1942: 15–16). Митрополит Сергей сравнивает Германию и её союзников с Батыем, немецкими рыцарями, «Карлом шведским» и Наполеоном. Он говорит о повторении в новой войне ключевых моментов русской истории — «не первый раз приходится русскому народу

⁹ ГА РФ. Ф. Р7342. Оп. 1. Д. 6. Переписка Д. А. Ишевского с архиепископом Алеутским и Северо-Американским Вениамином. Копии.

выдерживать такие испытания», «наши предки не падали духом и при худшем положении» (Правда о религии 1942: 16).

Особое место в послании занимает предельно чёткое обозначение позиции Патриаршей Церкви в начавшейся схватке. Это нужно было особенно подчеркнуть в свете описанных выше действий Берлинской епархии РПЦЗ в предшествующий период. Чётко соотносясь с тезисом, заявленным ещё в «Декларации 1927 года», он пишет, что Церковь «всегда разделяла судьбу народа», несла испытания вместе с ним и «утешалась его успехами». Поэтому и сейчас она благословляет «предстоящий всенародный подвиг» (Правда о религии 1942: 16).

Приводя известные евангельские слова о том, что нет больше любви, чем положить свою душу «за други своя» (Ин. 15: 13), митрополит Сергей толкует эти слова применительно не только к подвигу непосредственно на поли брани, когда воин «убит на сражении за свой народ и его благо», но к трудам всех тех, кто «жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины» (Правда о религии 1942: 17).

Здесь же Патриарший Местоблюститель подчёркивает, что пастыри не должны молчать в сложившейся ситуации, так как такое молчание может «объясниться» «лукавыми соображениями насчёт возможных выгод на той стороне границы», то есть «прямая измена Родине» (Правда о религии 1942: 17).

Митрополит Сергей призвал вспомнить «великих вождей русского народа», «полагавших душу свою за народ и Родину», и назвал имена Александра Невского и Димитрия Донского (Правда о религии 1942: 16). В России этот призыв звучал куда органичнее, чем в эмиграции, где митрополит Серафим (Ляде), как отмечалось выше, пытался использовать эти имена для оправдания нацистского якобы «крестового похода» против СССР. Можно сказать, что обращение к этим именам в контексте начавшейся войны являлось окончательной фиксацией национально-консервативного русского поворота, происходившего в идеологии СССР с конца 1930-х годов.

В своей речи на параде Красной армии 7 ноября 1941 года И. В. Сталин расширил список «великих предков», чей «мужественный образ» должен был вдохновлять идущих в бой бойцов. Он перечислил Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьму Минина, Димитрия Пожарского, Михаила Кутузова. При этом в речи трижды упоминался В. И. Ленин, один раз говорилось о его знамени, осеняющем войска, а дважды использовалось словосочетание «дух великого Ленина», как

применительно к ситуации Гражданской войны, когда Ленин был жив, так и к 1941 году (Сталин 1948: 38–40).

С первых дней войны отдельными приходами стали делаться попытки помощи раненым по примеру аналогичных действий в период Первой мировой войны. Уже 24 июня 1941 года община Князь-Владимирского собора Ленинграда обратилась в Ленсовет с заявлением о желании открыть свой отдельный лазарет и ежемесячно субсидировать его на сумму в 30 тысяч рублей (Русская Православная Церковь 2009: 40–41). Вопрос о сотрудничестве в деле окормления раненых продолжал оставаться нерешённым до весны 1943 года. Как следует из докладной записки заместителя наркома государственной безопасности СССР Б. З. Кобулова начальнику Главного политического управления РККА А. С. Щербакову, в Калуге местный архиерей епископ Питирим (Свиридов) взял шефство над эвакогоспиталем, проводил совещания совместно с его руководством, включая замполита и секретаря партбюро о помощи раненым, собрал с помощью духовенства 50 тысяч рублей, дважды давал в госпитале концерты церковного хора. В записке говорилось: «Получив эти сведения, НКГБ СССР приняты меры к недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства» (Русская Православная Церковь 2009: 186–187).

Таким образом, попытки контактов Церкви непосредственно с ранеными были окончательно свёрнуты.

Приветствовалась только материальная помощь приходов деньгами, ценностями и вещами в Фонд обороны и фонд Красного Креста, семьям воинов, инвалидам и раненым. Сборы таких средств были развёрнуты повсеместно. Например, в храмах Ленинграда в 1941 году было собрано 2 миллиона 144 тысячи 243 рубля 66 копеек, в блокадные 1942 и 1943 годы — 6 миллионов 535 тысяч 566 рублей 99 копеек, в 1944 году — 4 миллиона 594 тысячи 681 рубль. А, например, Вологодская епархия с 1941 по 1944 год собрала 2 миллиона 957 тысяч 805 рублей (Русская Православная Церковь: 2009, 159).

В феврале 1944 года, сразу после освобождения от фашистов, церковные общины и духовенство Киева собрали 150 тысяч рублей в «Фонд обороны страны ко дню 26-й годовщины Красной Армии», о чём написали И. В. Сталину. Они также сообщали, что включились в работу по материальной помощи эвакогоспиталю (Русская Православная Церковь 2009: 93).

На Архиерейском Соборе 8 сентября 1943 года митрополит Сергей (Страгородский) в своём докладе свидетельствовал о многообразии сбора

пожертвований в епархиях и на приходах в годы войны. Одни, говорил он, жертвовали на оборону вообще, другие на раненых, третьи на детей тех, кто ушли на фронт или погибли. Зимой собирали тёплые вещи. И всё это простые богомольцы несли в храмы (О деятельности 1943: 8).

Приходской совет Введенской церкви Кировского района города Курска в январе 1944 года сообщал в райком ВКП(б) о том, что за год ими на оборону и на помощь раненым собрано 126 тысяч рублей. Среди этих пожертвований были 25 тысяч на «оборудование госпиталя для офицерского состава», а также сумма в 3 тысячи рублей в счёт строящегося на средства жителей Курска самолёта «Курский красный партизан» и 10 тысяч «на танкостроение» (Русская Православная Церковь 2009: 90–91). Последнее было совсем не случайным.

Великая Отечественная война дала множество примеров пожертвований на армию со стороны самых различных лиц от артистов до колхозников, а также организаций. Церковная помощь осуществлялась именно в этом, широком общественном контексте. Например, 28 декабря 1942 года председатель церковного совета Хомутовской церкви Щёлковского района Московской области А. Чайников и священник К. Гриневич направили письмо И. В. Сталину о пожертвовании 10 тысяч рублей в Фонд обороны. Они писали, что собирали средства «в твёрдой надежде, что по усердным молитвам Господь Бог дарует победу нашим бодрым братьям, славным воинам Красной Армии, и дарует нам возможность и впредь всегда молиться о продлении Вашей дорогой жизни и сил на общее благо» (Русская Православная Церковь 2009: 57).

Однако самым главным, принципиально отличающимся от ситуации Первой мировой войны сбором стал сбор непосредственно на вооружение.

30 декабря 1942 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей обратился с посланием к архипастырям, пастырям и приходским общинам «нашей (то есть Патриаршей. — *из В.*) Православной Русской Церкви» (как это звучало в заголовке). В послании говорилось о том, что преподобный Сергей Радонежский, «благословив Димитрия Донского на Куликовскую битву с мамаевыми полчищами», послал в ряды русских войск «сподвижников из числа братьев Троицкой лавры». Митрополит Сергей отмечал огромное символическое значение этих посланников, так как физически «немного могли прибавить силы русскому оружию». Однако они стали «утешением и ободрением верующему воинству на предстоящий ему великий подвиг». Патриарший Местоблюститель отмечает, что «в настоящее время много говорится о предстоящей решающей

битве с немецкими захватчиками, которая сметёт фашистские полчища с лица нашей земли и откроет путь к свободе всех теперь порабощённых народов Европы и к прекрасному для них будущему». Колхозы и частные лица посылают свои сбережения на постройку танков и самолётов. Священник Александр Троицкий Шубинского прихода Кунгурского района внёс на эти цели 100 тысяч рублей. Московский первосвященитель предложил «от лица всей нашей Православной Церкви» повторить подвиг преподобного Сергия и послать «нашей армии на предстоящий решающий бой вместе с нашими молитвами и благословением» «вещественное показание» «участия в общем подвиге» — «соорудим на наши церковные пожертвования колонну танков имени Димитрия Донского» (Русская Православная Церковь 1943: 41–42).

В послании был прописан чёткий механизм такого сбора. Приходы и частные лица призывались сдавать деньги в местное отделение Госбанка для перечисления их на специальный счёт в «главной конторе Госбанка», одновременно сообщая в Московскую Патриархию о вносимых пожертвованиях. Указывалось, что «накопившиеся в фонде пожертвования» будут переданы митрополитом Сергием (Страгородским) «в распоряжение Председателя Совета Оборона Иосифа Виссарионовича Сталина» «вместе с отчётом о пожертвователях и об их пожертвованиях» (Русская Православная Церковь 1943: 42).

Через несколько дней, 5 января 1943 года, в газете «Правда» была опубликована телеграмма Патриаршего Местоблюстителя И. В. Сталину, в которой сообщалось о начатом сборе на постройку «колонны танков имени Димитрия Донского» и внесении «для начала» Патриархией 100 тысяч рублей, Елоховским кафедральным собором в Москве 300 тысяч, настоятелем собора протоиереем Николаем Федоровичем 100 тысяч рублей. Он просил Сталина «в Госбанке открыть специальный счёт». Телеграмма оканчивалась так: «Да завершится победой над тёмными силами фашизма общенародный подвиг, Вами возглавляемый» (Русская Православная Церковь 1943: 96). В том же номере «Правды» опубликована и ответная телеграмма И. В. Сталина: «Прошу передать православному русскому духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной Армии за заботу о бронетанковых войсках Красной Армии. Указание об открытии специального счёта в Госбанке дано» (Русская Православная Церковь 1943: 96).

Прямой сбор со всей церковной полноты на вооружения стал важным моментом фиксации, с одной стороны, нового уровня

церковно-государственных отношений, с другой — внутрицерковной идейной и административной консолидации. Архиереи, духовенство, приходы теперь были объединены тем, что Сталин назвал «заботой о бронетанковых войсках». Это был важный момент идентичности Церкви как духовной силы, выступающей однозначно на стороне Советского государства в его борьбе с воплощением мирового зла, германским нацизмом.

Причём в ответной телеграмме И. В. Сталина обращает на себя внимание фраза «православное русское духовенство». Именно Патриаршая Церковь воспринималась теперь как русская легитимная церковная сила. Обновленцы также собирали деньги, в том числе «епископ» Звенигородский Сергей (Ларин) в январе 1943 года пожертвовал 100 тысяч из своих личных средств «на строительство самолётов» (Русская Православная Церковь 2009: 61). Приняты они были с благодарностью, но об этом не писали в газете «Правда». В будущем, после воссоединения с Патриаршей Церковью и новых хиротоний, Сергей (Ларин) стал архиепископом Ярославским и Ростовским. В 1944 году его наградили медалью «За оборону Москвы» (Лавринов 2016: 511). Но такого внимания, как к действиям Патриаршей Церкви, обновленцам не было. Обновленчество не могло восприниматься в качестве канонической церковной структуры ни в странах мирового православия, ни на временно оккупированных территориях, ранее, в 1939–1940 годах, присоединённых к СССР. История церковного сбора на танковую колонну завершилась только в марте 1944 года. Уже к сентябрю 1943 года, то есть за девять месяцев с начала сбора, удалось аккумулировать на специальном счёте Госбанка 8 миллионов рублей, как свидетельствовал об этом митрополит Сергей в своём докладе на Архиерейском Соборе (О деятельности 1943: 8).

На эту сумму с Нижне-Тагильского танкового завода были выделены 40 танков, из них 19 Т-34-85 новейшего на тот момент образца и 21 огне-мётный танк ОТ-34. Ими был укомплектован 38-й отдельный танковый полк, уничтоживший потом в годы войны более 1400 вражеских солдат и офицеров, 40 артсистем, 38 танков, 17 бронетранспортёров и более сотни автомобилей (Свирин 2006: 42–46).

То есть речь шла о действительно боевой части, причём имевшей в своём составе оружие ближнего боя — огне-мётные танки, сжигавшие вражескую пехоту заживо. Выделение таких танков в счёт собранной Церковью суммы указывало на чётко очерченную мировоззренческую грань, когда совершенно однозначно признавалась и свидетельствовалась

Божия правда на стороне Красной армии, а противник воспринимался как те, кто должен быть однозначно уничтожен в бою.

При этом в годы Великой Отечественной войны промышленностью СССР было произведено в общей сложности 110 тысяч 340 единиц бронетехники (Симонов 1996: 164). Церковь, собрав средства на 40 единиц, внесла, таким образом, материальный вклад в виде 0,036% от общего числа построенных танков. Однако, как и подчёркивал митрополит Сергей в своём послании, давшем начало сбору, речь шла именно о символе, аккумулировавшем духовное благословение для Красной армии в виде грозных боевых машин.

7 марта 1944 года в 5 километрах северо-западнее Тулы, у деревни Горелки состоялась торжественная передача Церковью танков Красной армии. Её по поручению патриарха Сергия производил митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич). Выступая на митинге, он говорил о «красноармейских богатырях», готовых «по приказу гениального нашего полководца и нашего общего отца Иосифа Виссарионовича» «добывать фашистского зверя на нашей земле» (Русская Православная Церковь 2009: 96). Митрополит Николай высказал от лица Церкви пожелание, чтобы «боевые машины» несли «мщение и смерть палачам нашего народа», которых он назвал в своей речи «сатанистами», «врагами культуры и народного счастья», «недостойными носить человеческое имя» и «недостойными жить на земле» «фашистскими гадами». Закончил митрополит Николай призывом: «На святое дело — вперёд!» (Русская Православная Церковь 2009: 97–98).

С 1941 и по сентябрь 1943 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) обратился к пастве с 23 посланиями (О деятельности 1943: 8). Они были аккумулированы в двух специальных изданиях — книге «Правда о религии в России» (1942) и сборнике «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война» (1943).

Одной из особенностей оформления идеологических конструкций в предвоенном СССР было издание сборников высших лиц страны. Главным примером здесь может служить обновляемый сборник работ И. В. Сталина «Вопросы ленинизма», выдержавший с 1926 по 1953 год одиннадцать изданий. Все они выходили массовыми тиражами, активно использовались в политработе с населением и для объяснения за рубежом позиции СССР. Совершенно логичным выглядит постановление ЦК ВКП(б) от 10 марта 1942 года о необходимости издания сборника «Правда о религии в России» в издательстве Московской Патриархии (Русская Православная

Церковь 2009: 180). Необходимо было чётко показать не столько даже для внутреннего употребления, сколько для мирового читателя новый уровень церковно-государственных взаимоотношений в СССР, патриотическую поддержку Церковью Красной армии, церковную оценку образа врага.

Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в своей докладной записке наркому иностранных дел В. М. Молотову от 25 июня 1942 года чётко указывал, что «книга предназначена в основном для распространения за границей» (Русская Православная Церковь 2009: 180).

Книга, редакционную комиссию которой по благословению Патриаршего Местоблюстителя возглавлял митрополит Николай (Ярушевич), была затем издана на английском, шведском, немецком языках. Она активно распространялась за границей. За её подготовку митрополит Николай (Ярушевич) был награждён Патриаршим Местоблюстителем правом ношения второй пангии¹⁰.

Книга состоит из следующих частей: «Русская Православная Церковь верна своей Родине» и «Фашистские новоявленные “крестоносцы” глумятся над православными святынями, священнослужителями и верующими» (Правда о религии 1942: 452–457). Ей предшествовало предисловие Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергея. Он писал, что книга стала ответом на провозглашение фашистами «крестового похода» ради якобы «освобождения» «нашего народа и нашей Православной Церкви от большевиков». Однако вместе с тем она «отвечает и на общий вопрос: признаёт ли наша Церковь себя гонимой большевиками и просит ли кого об освобождении от таких гонений» (Правда о религии 1942: 7). Митрополит Сергей пишет, что для тех, кто «убеждён в наличии гонений», избранная Церковью «линия поведения» «в отношении фашистского нашествия» представляется «вынужденной», «не соответствующей внутренним чаяниям Церкви», а введённая за Божественной литургией и на молебнах «молитва о победе Красной Армии» кажется лишь «отбыванием повинности, проформой», «доказательством несвободы Церкви даже в стенах храма» (Правда о религии 1942: 7–8).

Митрополит Сергей пишет: «Даже и теперь, в 25-й год после революции, можно встретить кое-где такие настроения, о прежних годах и говорить нечего. Известно, что тема о гонениях на религию в России

¹⁰ Галкин А. К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года. — Вестник церковной истории. — 2008. — № 2. — С. 83.

и прежде не сходила со страниц заграничной враждебной прессы, а в прессе церковно-эмигрантской остаётся лейтмотивом и доселе. При этом имеются в виду не какие-нибудь эксцессы, неизбежные при всяком массовом восстании, а предполагаются официальные систематические меры Советской власти к истреблению верующих и в особенности духовенства. Эмигрантская пресса без стеснения проводила параллель между гонениями первых веков христианства и современными «гонениями» в России» (Правда о религии 1942: 8).

«Церковная буржуазия, — продолжает Патриарший Местоблюститель, — видит гонение главным образом в отказе государства от векового своего союза с Церковью, в итоге чего... духовенство как сословие или профессия лишились некоторых прав: владения землёй и коммерческими предприятиями, разных сословных привилегий, сравнительно с простым народом и т. д.» (Правда о религии 1942: 9).

Между тем, по его словам, народ как раз склонен видеть в этой ситуации «не гонение, а скорее возвращение к апостольским временам, когда Церковь и её служители шли именно своим настоящим путём, к какому они и призваны Христом» (Правда о религии 1942: 9).

Что касается оценки нацистского вторжения в СССР, митрополит Сергей пишет: «Мы, представители Русской Церкви, даже и на мгновение не можем допустить мысли о возможности принять из рук врага какие-либо льготы или выгоды» (Правда о религии 1942: 12).

Он говорит о сопротивлении, которое патриотическая позиция Русской Православной Церкви встречает в эмиграции. Если «представитель нашей Патриархии преосвященный митрополит Алеутский и Северо-Американский Вениамин Федченков, нимало не колеблясь, отдал своё имя и свои силы движению в пользу американской помощи России», то «европейские карловчане... поступили на службу к Гитлеру; молятся за него по своим церквам; с помощью германских властей подчинили себе своих соперников — сторонников митрополита Евлогия» (Правда о религии 1942: 13).

Митрополит Сергей выражает уверенность в «неизбежной победе света над тьмой, правого дела над диким произволом и насилием, Христова креста над фашистской свастикой» (Правда о религии 1942: 14).

В книге приводится послание митрополита Сергея (Страгородского) к пастве, выпущенное 14 октября 1941 года, то есть в самые критические дни обороны Москвы. Здесь он говорит о слухах в отношении тех пастырей, которые «готовы идти в услужение к врагам нашей Родины

и Церкви», «вместо святого креста осеняться языческой свастикой». Митрополит Сергей пишет: «Во имя... от Бога данной мне власти я как архиерей, имеющий силу вязать и решить, призываю к покаянию всех поколебавшихся из-за страха ли или по другим причинам, а тех, кто покаяться не хочет, объявляю запрещёнными в священнослужении и предаю церковному суду» (Правда о религии 1942: 410).

Приводится в книге «Правда о религии в России» и послание к пастве от 24 ноября 1941 года, подписанное помимо Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергея митрополитом Киевским и Галицким Николаем (Ярушевичем), архиепископом Куйбышевским Андреем (Комаровым), архиепископом Можайским Сергием (Гришиным), архиепископом Ульяновским Иоанном (Соколовым).

Здесь говорилось: «Страшная колесница войны неумолимо катится по народам и дробит человеческие кости. Гитлеровский Молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч на “защиту религии” и “спасения” якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада стараётся лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния. Во всех порабощённых странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землёй» (Правда о религии 1942: 411–412).

Архипастыри призывали к беспощадности в отношении врага. В послании говорится: «У истинного патриота не дрогнет рука для истребления фашистских захватчиков. Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу» (Правда о религии 1942: 413).

Отмечается в послании и историческая освободительная миссия Красной армии в отношении порабощённых народов Европы: «Несравненная красота подвига наших доблестных воинов в том, что они “полагают души своя” не только за себя, но и “за други своя”, за народы, временно подпавшие под фашистский гнёт» (Правда о религии 1942: 413).

Книга «Правда о религии в России» активно распространялась за рубежом, в том числе в США, где, как указывал в предисловии к ней митрополит Сергей, «феофиловцы», под которыми понимались сторонники митрополита Феофила (Пашковского), обращались к президенту Рузвельту

с просьбой увязывать помощь СССР с требованиями религиозной свободы (Правда о религии 1942: 12).

Митрополит Вениамин (Федченков) в эмигрантской газете «Новая заря», выходившей в Сан-Франциско, поместил в декабре 1942 года обширный разбор книги «Правда о религии в России». Остановился он и на описываемых в ней «зверствах и кощунствах немцев». Митрополит Вениамин отметил, что «в иностранной печати доселе ещё не верят правдоподобности таких зверских издевательств “самых высших представителей арийства” над Русским народом, над святынями», но в книге приводятся неоспоримые свидетельства об этом со стороны церковных людей (Вениамин (Федченков): 365). Он заканчивает свою статью в эмигрантском издании цитатой из послания Патриаршего Местоблюстителя и группы архиереев от 24 ноября 1941 года: «Отрадно знать, что семя, брошенное нашей Патриархией, даёт богатые всходы... патриотизм поднялся грозной волной для врага... Великая и благословенная Русь крепнет и удесятеряет свои силы на поле брани... Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой» (Вениамин (Федченков): 368).

Успех книги «Правда о религии в России» стал частью весьма действенной информационной кампании, развёрнутой советским руководством. В 1943 году в издательствах разных регионов был издан сборник выступлений И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Затем его перевели на одиннадцать языков — английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, венгерский, польский, китайский, болгарский, латышский и эстонский¹¹ и широко распространяли за границей.

На фронте церковной информационной борьбы в 1943 году вышел очень качественно изданный сборник «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Он включил в себя восемнадцать посланий Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея «к клиру и верующим Русской Православной Церкви», четыре послания митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), три послания митрополита Киевского Николая (Ярушевича), а также послания митрополитов Сергея и Николая «к христианам других стран». Вошли сюда и телеграммы митрополитов Сергея и Алексия И. В. Сталину, а также два ответа Сталина

¹¹ Российская государственная библиотека: Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза [Текст]. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1943. — 11 т. в коробке. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005126953> (дата обращения: 01.04.2024).

митрополиту Сергию и один — митрополиту Алексию, опубликованные перед этим в газете «Правда» (Русская Православная Церковь 1943: 100).

Издание приводит в том числе послание митрополита Николая (Ярушевича) «Братьям-славянам», где он как член Чрезвычайной государственной комиссии по установлению по расследованию немецких злодеяний рассказывает о преступлениях оккупантов (Русская Православная Церковь 1943: 87–89).

Среди обращений к представителям других народов было опубликовано и послание митрополита Сергия к солдатам румынской армии от 22 ноября 1944 года. Здесь Патриарший Местоблюститель пишет, обращаясь к румынам: «Ваш воинский и христианский долг не умирать за немцев, по вине которых истекает кровью ваша Родина и бесконечно страдает Ваш народ. Ваш христианский долг — немедленно оставить немецкие ряды и перейти на сторону русских, чтобы искупить великий грех соучастия в преступлениях немцев и содействовать священному делу поражения врага человечества. Дай вам Господь решимость на этот единственно правильный и святой поступок» (Русская Православная Церковь 1943: 78–79).

Известная встреча И. В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 5 сентября 1943 года стала итогом нормализации церковно-государственных отношений, укрепления положения Московской Патриархии, начавшейся за пять лет до этого. Согласно отчёту Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова, на этой встрече митрополит Сергей отметил в качестве «главного и наиболее назревшего вопроса» проблему организации центрального церковного управления, созыв Архиерейского Собора, избрание Патриарха, восстановление отсутствующего с 1935 года Священного Синода (Русская Православная Церковь 2009: 197).

Собравшийся Архиерейский Собор уже 8 сентября 1943 года избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. 9 сентября 1943 года об этом сообщили центральные газеты, откуда новости были воспроизведены уже в возобновлённом «Журнале Московской Патриархии» (Собор епископов 1943: 6).

Собор принял обращение «К братьям христианам всего мира», в котором призвал их к «напряжению всех усилий в мировой борьбе за попираемые Гитлером идеалы христианства, за свободу христианских церквей, за свободу, счастье и культуру всего человечества» (Русская Православная Церковь 2009: 70). Именно таким был итог церковного осмысления

нашей Церковью всемирных и христианских задач СССР и его союзников в идущей войне.

В своём Рождественском послании 7 января 1944 года патриарх Сергей подчёркивал, что «фашизм выступил с великими претензиями против христианства», попытался «заменить Христов крест языческой свастикой». Однако нацисты после войны не будут уже «распоряжаться судьбой человечества», они сами «окажутся в распоряжении держав-победительниц». По словам патриарха Сергея, эти ведущие войну с Германией державы «включили в программу своей послевоенной деятельности» «светлые надежды, принесённые человечеству новорождённым в Вифлееме младенцем Христом» (Русская Православная Церковь 2009: 86).

Заканчивается послание пожеланием, чтобы «после войны» Господь утвердил на земле «незыблемый мир и всеобщее благоволение в человеках, при искренней самоотверженности готовности каждого работать на общее благо» (Русская Православная Церковь 2009: 86).

Не вина патриарха Сергея в том, что этим его упованиям не суждено было сбыться.

24 января 1944 года патриарху Сергию исполнилось 77 лет. Ко дню рождения ему от имени Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по указанию В. М. Молотова были подарены золотые часы (Русская Православная Церковь 2009: 270). Подарок оказался символическим. Время земной многотрудной жизни патриарха Сергея подошло к концу. Но труды его оказались поистине золотыми для Русской Православной Церкви.

15 мая 1944 года Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) скончался. В этот же день Г. Г. Карпов подал И. В. Сталину докладную записку, в которой сообщил о смерти патриарха Сергея от кровоизлияния в мозг, вскрытии его завещания от 12 октября 1941 года, найденного в ящике письменного стола. В завещании говорилось о том, что «в случае его смерти в должность Патриаршего Местоблюстителя вступает митрополит Ленинградский Алексий (Симанский)» (Русская Православная Церковь 2009: 296). Наступала новая эпоха в жизни Русской Православной Церкви.

Однако контуры этой новой эпохи были заложены непосредственно патриархом Сергием. 28 января 1944 года Совет народных комиссаров СССР утвердил предложения Совета по делам Русской Православной

Церкви по проекту «Положения об управлении Русской Православной Церкви», составленному при самом активном участии патриарха Сергия.

Этим положением были фактически ликвидированы демократические нормы, установленные для духовного сословия в ходе развития внутрицерковной демократии с 60-х годов XIX столетия, а особенно во время церковных революций 1917–1918 и 1922–1923 годов. Определялось, что высшая власть в области вероучения и церковного управления в Русской Православной Церкви принадлежит Поместному Собору, «периодически созываемому» в составе епископов, клириков и мирян. Собор избирает патриарха, который управляет Церковью вместе со Священным Синодом. Утверждалась полнота прав епархиального архиерея, являющегося «ответственным главой вверенной ему епархии». Никакого демократического епархиального съезда или епархиального собрания Положение не знало. Указывалось, что архиерей при его желании может создать Епархиальный Совет из трёх–пяти лиц в пресвитерском сане. Подчёркивалась полнота ответственности настоятеля храма, стоящего во главе каждой приходской общины (Русская Православная Церковь 2009: 271–275).

Второй важной частью наследия патриарха Сергия, реализованного сразу после его смерти, стала окончательная ликвидация обновленческой церкви. 15 августа 1944 года Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпов в своей докладной записке на имя И. В. Сталина писал о «самораспаде» обновленческих структур после «избрания Патриарха и Синода», «в том числе епископата». Он перечисляет девять обновленческих архиереев, которые «перешли в патриаршую ориентацию», констатирует, что в Москве из шести обновленческих приходов пять перешли в Патриаршую Церковь. Остался один Пименовский храм, «где служит первоиерарх обновленческих церквей митрополит Александр Введенский со своими сыновьями», которые, согласно «заявлениям от верующих и духовенства», «совершают службу в пьяном виде, скандалят, сквернословят, дерутся». При этом Введенский «делал несколько попыток перейти в Патриаршую Церковь», но ставил непременным условием сохранить за ним сан митрополита. А на такое сохранение сана был категорически не согласен патриарх Сергей, так как Введенский официально состоял в третьем браке, являлся много семейным, что канонически недопустимо (Русская Православная Церковь 2009: 333–334).

Г. Г. Карпов предложил инициировать обращения к духовенству и верующим от оставшихся двух обновленческих архиереев, контролировавших в общей сложности 147 приходов в Краснодарском и Ставропольском краях, о разрыве с Введенским из-за его аморального поведения и воссоединении с Патриаршей Церковью (Русская Православная Церковь 2009: 333).

Результатом стало решение об окончательной ликвидации обновленчества, не только являвшегося тяжёлой церковной проблемой с 1922 года, но и во многом наследовавшего искажённые представления русского духовного сословия о своих демократических правах. Канонический строй восторжествовал, что, помимо нормализации церковно-государственных отношений, стало, наверное, главным итогом жизни и трудов патриарха Сергия.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны в 1947 году издательство Московской Патриархии выпустило книгу «Патриарх Сергей и его духовное наследство». В предисловии к ней Патриарх Московский и всея Руси Алексей I писал: «В Бозе почивший Патриарх Сергей бесспорно занимает одно из первенствующих мест в сонме иерархов Российской Церкви текущего столетия. Если принять во внимание те огромные труды, которые промыслием Божиим выпали на долю его как главы Православной Российской Церкви, труды, возвысившиеся до степени высокого церковного подвига, то Патриарха Сергия, несомненно, следует поставить в ряду тех великих подвижников и поборников церковной правды, труды коих с благоговением хранятся в памяти потомства, являясь драгоценным достоянием истории Церкви» (Патриарх Сергей 1947: 7).

Это труды были направлены к охранению чистоты учения веры, к сохранению ясности церковного сознания, благодатной преемственности, канонически-законного возглавления Поместной Русской Церкви. По словам Патриарха Алексея I, «всё значение Патриарха Сергия в жизни и истории Русской Церкви может быть охвачено и оценено лишь в будущем» (Патриарх Сергей 1947: 8–9).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

А. Х. Гельсингфорский приход в деле помощи семьям воинов, призванных на войну // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 2. — С. 3–5.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. и авт. примеч. М. Е. Губонин. — М. : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та : Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. — 1063 с.

Алфеев Павел, прот. Оборонительная война — долг христианина и выполнение заветов Христа // Листок «Живое слово»: Приложение к журналу «Миссионерский сборник». — 1915. — № 37. — С. 191–194.

Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР; [Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и др.]. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : РОССПЭН, 2018. — 350, [1] с.

Вениамин (Федченков). Служение в Америке : (в документах 1933–1947 годов) / митрополит Вениамин (Федченков) ; [составитель — Р. Ю. Просветов]. — М. : Отчий дом, 2016. — 919, [1] с.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Концепт «консолидация и обновление общества» в годы Первой мировой войны: по материалам рязанской епархиальной печати (1914–1916 гг.): Дис. ... канд. полит. наук: 5.5.1. — М., 2023. — 186 с.

Виталий (Уткин И. Н.), игум. Политические идеи церковной печати в период Первой мировой войны: от консолидации общества к обновлению страны // SCHOLA-2021: сб. научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца. — М. : Изд-во Московского университета, 2021. — С. 147–158.

Всё — для конечной победы // Миссионерский сборник. — 1915. — № 7–8. — С. 648–650.

Высочайшая грамота преосвященному Сергию, архиепископу Финляндскому и Выборгскому // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 6. — С. 2–3.

Д. В. Ц. Архипастырский подарок гельсингфорским раненым и больным воинам // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 2/2. — С. 3.

Д. В. Ц. К празднику 25 февраля // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 6. — С. 6–8.

Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. / Упр. гос. архивами НКВД СССР. — М. : Госполитиздат, 1942. — 80 с.

Евграфов К. Р. Что может дать в настоящее время школа в смысле религиозного воспитания? // Пензенские епархиальные ведомости. — 1916. — № 20–21 неоф. — С. 654–675.

Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы / под общ. ред. В. Силовьева. — М. : Издат. совет Рус. Православ. Церкви, 2001. — 270 с.

За императора и за люди во время брани противу супостатов моления // Церковные ведомости. — 1914. — № 31. — С. 359–360.

Зверства немецких захватчиков : Факты и документы (В помощь политруку / Глав. полит. упр. РККА). — М. : Воениздат, 1941. — 47 с.

Зверства немецких захватчиков : Факты и документы / Глав. полит. упр. РККА (В помощь политруку). — М. : Воениздат, 1942. — 50 с.

Источников Михаил, прот. Слово в день восшествия на престол Государа Императора Николая Александровича, 21 октября 1916 года // Известия по Казанской епархии. — 1916. — № 43–44 неоф. — С. 1003–1005.

К недавнему посещению Гельсингфорса Архипастырем. Единое на потребу // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 1/1. — С. 2–4.

Карашев А. Ф. Дозволительная ли для христиан война и военная служба? // Рязанские епархиальные ведомости. — 1914. — № 23, неоф. — С. 895–902; № 24, неоф. — С. 945–959.

Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов : организация церковного управления в эмиграции. — М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2007. — 394, [4] с.

Краснопевцев А. И. На пороге новой жизни // Тульские епархиальные ведомости. — 1917. — № 7–8–9–10. — С. 105–107.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). — М. : Кучково поле, 2011. — 701, [2] с.

Лавринов Валерий, прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. Материалы по истории церкви. Кн. 54. — М. : Крутицкое патриаршее подворье : О-во любителей церковной истории, 2016. — 732, [3] с.

Митрополит Сергей (Страгородский). Творения / сост. Т. Г. Сидаш. — СПб. : Издательский проект «Квадривиум», 2020. — 751 с.

Молитва в годину войны // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 3/2. — С. 10.

Н. М. Куда идёт Россия? // Тульские епархиальные ведомости. — 1917. — № 3–4 неоф. — С. 46–51.

На пороге Нового года // Тульские епархиальные ведомости. — 1917. — № 1–2 неоф. — С. 1–2.

Не забывайте наших раненых и больных! // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 2. — С. 14–15.

Немецкие зверства: Факты и документы. — Горький : Горьк. обл. изд., 1942. — 171 с.

О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны. Доклад митрополита Сергия на соборе епископов // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 1. — С. 7–8.

Одинцов М. И. Патриарх Сергий. — М. : Молодая гвардия, 2013. — 395, [1] с.

Патриарх Сергий и его духовное наследство. — М. : Моск. Патриархия, 1947. — 416 с.

Правда о религии в России / ред. коллегия: Николай (Ярушевич), митр., проф. Григорий Петрович Георгиевский, прот. Александр Павлович Смирнов. — М. : Моск. Патриархия, 1942. — 456 с.

Пребывание Государя императора в Гельсингфорсе // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 6. — С. 8–11.

Ради мира церковного : жизн. путь и архипастыр. служение святителя Агафангела, митрополита Ярослав. и Ростов., исповедника. [сост. и ред. И. Г. Менькова]. — М. : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та, 2006. — 567 с.

Романовский Пётр, свящ. Наши культуртрегеры // Известия по Казанской епархии. — 1915. — № 2 неоф. — С. 57–59.

Рункевич С. Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. : исторические очерки. — Пг. : [б. и.], 1916. — 356 [1] с.

Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов : документы и материалы. — Курск, 2017. — 975 с.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. документов / сост. Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. Материалы по истории церкви. Кн. 43. — М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья : О-во любителей церковной истории, 2009. — 765 с.

Русская православная церковь и Великая Отечественная война : сб. церковных документов. — М. : [б. и.], 1943. — 99 с.

Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1946. — 457 с.

Свирин М. Н. Димитрий Донской // Мир оружия. — М., 2006. — № 3. — С. 42–46.

Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. — М. : Росспэн, 1996. — 333, [2] с.

Слово против торгового мародёрства // Тульские епархиальные ведомости. — 1916. — № 21–22 неоф. — С. 266–274.

Собор епископов Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 1. — С. 6.

Соловей Г., прот. Между жизнью и смертью: странички из воспоминаний. — Журнал Московской Патриархии. — 1955. — № 10. — С. 37–40.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1943. — 11 т. в коробке.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза : [Доклады, речи, выступления и приказы]. — 6-е изд. — М. : Воениздат, 1948. — 208 с.

Сурков С. А. Митрополит Николай (Ярушевич). Материалы по истории церкви. Кн. 48. — М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья : О-во любителей церковной истории, 2012. — 646, [2] с.

Хотовицкий Александр, прот. Добро пожаловать! // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 2. — С. 5–6.

Хотовицкий Александр, прот. Чем отзовётся Гельсингфорский приход? // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 5. — С. 1–4.

Чрезвычайная комиссия // Миссионерский сборник. — 1915. — № 7–8. — С. 652.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве: (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). Материалы по истории церкви. Кн. 24. — М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья : О-во любителей церковной истории, 2005. — 423 с.

Ясли // Гельсингфорский приходской листок. — 1915. — № 7. — С. 8–9.

Сведения об авторе:

Игумен Виталий (И. Н. Уткин) — кандидат политических наук, доцент кафедры богословия Российского православного университета святого Иоанна Богослова, секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, 127051, Россия, Москва, Крапивенский пер., 4, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin)

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE, MOSCOW, RUSSIA

Sergius (Stragorodsky), War and Homeland: From the Holy Tsar-Martyr Nicholas II to Stalin

Abstract. During the First World War, Sergius (Stragorodsky) served as the Archbishop of Finland and was a member of the Holy Governing Synod. He participated in the preparation of all church acts aimed at organizing assistance to the wounded, families of soldiers called to war, and orphans. Under his leadership, the diocese conducted active social work. The prayer for victory over the enemy, approved in 1914 with the direct participation of Archbishop Sergius, was subsequently used in abbreviated form during the Great Patriotic War of 1941–1945. During the First World War, the church press actively participated in shaping the image of the enemy. The Russian Orthodox Church acted similarly during the Great Patriotic War of 1941–1945. One of the peculiarities of the church discourse during the First World War was the formation of the image of the internal enemy. By the end of 1916, the church press spoke of a universal derogation from the ideals of Holy Rus, greed, and selfishness that had engulfed all classes of the population.

In his “Declaration” of 1927, Metropolitan Sergius (Stragorodsky), the Deputy Patriarchal Locum Tenens, once again addressed the military and patriotic theme.

The turning point in church-state relations was the events of 1939–1940, related to the reunification of Western Ukraine, Belarus and Baltic countries with the USSR.

On June 22, 1941, Metropolitan Sergius (Stragorodsky) wrote a message to the believers, calling for support for the Soviet state’s fight against the Nazis. From the first days of the war, the Church began active patriotic work. Funds were collected for the Defense Fund and for the wounded. Unusually, funds were also collected directly for armaments — a tank column named after Dmitry Donskoy.

An important stage in the church’s activities under Metropolitan Sergius was the publication of the book “The Truth about Religion in Russia”, intended for translation into foreign languages and mass distribution abroad.

Keywords: Church, Patriarch Sergius, war, Renovationists, USSR, Nazis, patriotic activity, image of the enemy, Homeland, “The Truth about Religion in Russia”

For citation: Vitaly (Utkin, I. N.), Hegumen. (2024). Sergius (Stragorodsky), War and Homeland: From the Holy Tsar-Martyr Nicholas II to Stalin. *Orthodoxia*, (2), 80–127. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-80-127

REFERENCES:

A. Kh. (1915). *Gel'singforsky prikhod v dele pomoshchi sem'iam voinov, prizvannykh na voynu* [Helsingforsky Parish in Helping Families of Soldiers Called up for War]. *Gel'singforskii prikhodskoi listok*, (2), 3–5. [In Russian].

Akty Sviatetskogo Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943 [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority, 1917-1943]. (1994). Moscow : Izd-vo Pravoslav. Sviato-Tikhonov. bogoslov. in-ta : Bratstvo vo imia Vsemilostivogo Spasa. [In Russian].

Alfeev, P., Archpriest. (1915). *Oboronitel'naia voina — dolg khristianina i vypolnenie zavetov Khrista* [Defensive War is the Duty of a Christian and the Fulfillment of the Covenants of Christ]. *Listok "Zhivoe slovo"*: *Prilozhenie k zhurnalu "Missionerskii sbornik"*, (37), 191–194. [In Russian].

Beglov, A. L. (2018). *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb": tserkovnoe podpol'e v SSSR* [In search of "sinless catacombs": the Church underground in the USSR]. Moscow : ROSSPEN, 2018. [In Russian].

Veniamin (Fedchenkov). (2016). *Sluzhenie v Amerike : (v dokumentakh 1933–1947 godov)* [Ministry in America : (in Documents of 1933–1947)]. Moscow : Otchy dom. [In Russian].

Vitaly (Utkin I. N.), Hegumen. (2023). *Kontsept "konsolidatsiia i obnovenie obshchestva" v gody Pervoi mirovoi voiny: po materialam riazanskoi eparkhial'noi pečati (1914–1916 gg.)* [The Concept of "Consolidation and Renewal of Society" During the First World War: Based on the Materials of the Ryazan Diocesan Press (1914–1916)] [Dissertation of Candidate of Political Sciences]. Moscow. [In Russian].

Vitaly (Utkin I. N.), Hegumen. (2021). *Politicheskie idei tserkovnoi pečati v period Pervoi mirovoi voiny: ot konsolidatsii obshchestva k obnoveniiu strany* [Political Ideas of the Church Press During the First World War: from the Consolidation of Society to the Renewal of the Country]. In *SCHOLA-2021: sb. nauchnykh statei fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova* (pp. 147–158). Moscow : Izd-vo Moskovskogo universiteta. [In Russian].

Vse — dlia konechnoi pobedy [Everything is for the Ultimate Victory]. (1915). *Missionersky sbornik*, (7–8), 648–650. [In Russian].

Vysochaishaia gramota preosviashchennomu Sergiiu, arkhiepiskopu Finliandskomu i Vyborgskomu [The Highest Letter to His Grace Sergius, Archbishop of Finland and Vyborg]. (1915). *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (6), 2–3. [In Russian].

D. V. Ts. (1915). *Arhipastyrsky podarok gel'singforskim ranenym i bol'nym voenam* [Archpastoral gift to Helsingforsky Wounded and Sick Soldiers]. *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (2/2), 3. [In Russian].

D. V. Ts. (1915). *K prazdniku 25 fevralia* [For the Feast of February 25]. *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (6), 6–8. [In Russian].

Dokumenty o nemetskikh zverstvakh v 1914–1918 gg. [Documents on German Atrocities in 1914–1918]. (1942). Moscow : Gospolitizdat. [In Russian].

Evgrafov, K. R. (1916). *Chto mozhet dat' v nastoiashchee vremia shkola v smysle religioznogo vospitaniia?* [What Can a School Currently

Provide in the Sense of Religious Education?]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. (20–21), 654–675. [In Russian].

Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii v 1931–1935 gody [The Journal of the Moscow Patriarchate in 1931–1935]. (2001). Moscow : Izdat. sovet Rus. Pravoslav. Tserkvi. [In Russian].

Za imperatora i za liudi vo vremia brani protivu supostatov moleniia [For the Emperor and for the People during the Battle Against the Enemies of Prayer]. (1914). *Tserkovnye vedomosti*, (31), 359–360. [In Russian].

Zverstva nemetskikh zakhvatchikov : Fakty i dokumenty (V pomoshch' politruku / Glav. polit. upr. RKKA) [The Atrocities of the German Invaders : Facts and Documents (To Help the Political Instructor / Main Political Department of the Red Army)]. (1941). Moscow : Voenizdat. [In Russian].

Zverstva nemetskikh zakhvatchikov : Fakty i dokumenty / Glav. polit. upr. RKKA (V pomoshch' politruku) [The Atrocities of the German Invaders : Facts and Documents / Chapters. Political Department of the Red Army (To Help the Political Instructor)]. (1942). Moscow : Voenizdat. [In Russian].

Istochnikov M., Archpriest. (1916). Slovo v den' vosshestviia na prestol Gosudaria Imperatora Nikolaia Aleksandrovicha, 21 oktiabria 1916 goda [The Word on the Day of the Accession to the Throne of Emperor Nicholas Alexandrovich, October 21, 1916]. *Izvestiia po Kazanskoi eparkhii*, (43–44), 1003–1005. [In Russian].

K nedavnemu poseshcheniiu Gel'singforsa Arkhipastyrem. Edinoe na potrebu [To the Recent Visit of the Archpastor to Helsingfors. One Thing for Need]. (1915). *Gel'singforskii prikhodskoi listok*, (1/1), 2–4. [In Russian].

Karashev, A. F. (1914). Dozvolitel'naia li dlia khristian voina i voennaia sluzhba? [Is War and Military Service Permissible for Christians?]. *Riazanskie eparkhial'nye vedomosti*, (23), 895–902; (24), 945–959. [In Russian].

Kostriukov, A. A. (2007). *Ruskaia Zarubezhnaia Tserkov' v pervoi polovine 1920-kh godov : organizatsiia tserkovnogo upravleniia v emigratsii* [The Russian Church Abroad in the First Half of the 1920s : the Organization of Church Administration in Emigration]. Moscow : Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii humanitarnyi un-t. [In Russian].

Krasnopevtsev, A. I. (1917). Na poroge novoi zhizni [On the Threshold of a new life]. *Tul'skie eparkhial'nye vedomosti*, (7–8–9–10), 105–107. [In Russian].

Kurliandsky, I. A. (2011). *Stalin, vlast', religiia (religiozni i tserkovnyi faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, Authority, Religion (Religious and Ecclesiastical Factors in the Internal Policy of the Soviet State in 1922–1953)]. Moscow : Kuchkovo pole. [In Russian].

Lavrinov V., Archpriest. (2016). *Obnovlenchesky raskol v portretakh ego deiatelei. Materialy po istorii tserkvi* [The Renovationist Split in the Portraits of its Figures. Materials on the History of the Church] (Book 54). Moscow : Krutitskoe patriarshee podvor'e : O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Sergius (Stragorodsky), Metropolitan. (2020). *Tvoreniia* [Creations]. Saint Petersburg : Izdatel'sky proekt "Kvadrivium". [In Russian].

Molitva v godinu voyny [Prayer in the Year of the War]. (1915). *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (3/2), 10. [In Russian].

N. M. (1917). Kuda idet Rossiia? [Where is Russia Going?]. *Tul'skie eparkhial'nye vedomosti*, (3–4), 46–51. [In Russian].

Na poroge Novogo goda [On the threshold of the New Year]. (1917). *Tul'skie eparkhial'nye vedomosti*, (1–2), 1–2. [In Russian].

Ne zabyvaite nashikh ranenykh i bol'nykh! [Don't Forget Our Wounded and Sick!]. (1915). *Gel'singforskii prikhodskoi listok*, (2), 14–15. [In Russian].

Nemetskie zverstva: Fakty i dokumenty [German Atrocities: Facts and Documents]. (1942). Gorky : Gor'k. obl. izd. [In Russian].

O deiatel'nosti Pravoslavnoi Tserkvi za dva goda Otechestvennoi voyny. Doklad mitropolita Sergiia na sobore episkopov [On the Activities of the Orthodox Church During the Two Years of the Patriotic War. The report of Metropolitan Sergius at the Council of Bishops]. (1943). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (1), 7–8. [In Russian].

Odintsov, M. I. (2013). *Patriarkh Sergy* [Patriarch Sergius]. Moscow : Molodaia gvardiia. [In Russian].

Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo [Patriarch Sergius and His Spiritual Legacy]. (1947). Moscow : Mosk. Patriarkhiia. [In Russian].

Pravda o religii v Rossii [The Truth about Religion in Russia]. (1942). Moscow : Mosk. Patriarkhiia. [In Russian].

Prebyvanie Gosudaria imperatora v Gel'singforse [The Stay of the Emperor in Helsingfors]. (1915). *Gel'singforskii prikhodskoi listok*, (6), 8–11. [In Russian].

Radi mira tserkovnogo : zhizn. put' i arhipastyr. sluzhenie sviatitelia Agafangela, mitropolita Iaroslav. i Rostov., ispovednika [For the Sake of the Church's Peace : Life Path and the Archpastoral Ministry of St. Agafangel, Metropolitan of Yaroslavl and Rostov, the confessor]. (2006). Moscow : Izd-vo Pravoslav. Sviato-Tikhonov. gumanitar. un-ta. [In Russian].

Romanovsky P., Priest. (1915). Nashi kul'turtregery [Our Cultural Registers]. *Izvestiia po Kazanskoi eparkhii*, (2), 57–59. [In Russian].

Runkovich, S. G. (1916). *Velikaia Otechestvennaia voina i tserkovnaia zhizn'. Kn. 1. Rasporiazheniia i deistviia Sviateishego Sinoda v 1914–1915*

gg. : *istoricheskie ocherki* [The Great Patriotic War and Church life. Book 1. Orders and Actions of the Holy Synod in 1914-1915: Historical Essays]. Petrograd. [In Russian].

Russkaia voennaia emigratsiia 20-kh — 40-kh godov : dokumenty i materialy [Russian Military Emigration of the 20s — 40s : Documents and Materials]. (2017). Kursk. [In Russian].

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. : sb. dokumentov [The Russian Orthodox Church During the Great Patriotic War of 1941–1945 : collection of documents] (Book 43). (2009). Moscow : Izd-vo Krutitskogo patriarshego podvor'ia : O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Russkaia pravoslavnaia tserkov' i Velikaia Otechestvennaia voina : sb. tserkovnykh dokumentov [The Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War : Collection of Church Documents]. (1943). Moscow. [In Russian].

Sbornik soobshchenii Chrezvychainoi gosudarstvennoi komissii o zlodeianiiakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov [Collection of Reports of the Extraordinary State Commission on the Atrocities of the Nazi Invaders]. (1946). — Moscow : Gos. izd-vo polit. lit. [In Russian].

Svirin, M. N. (2006). Dmitry Donskoy. *Mir oruzhiia*, (3), 42–46. [In Russian].

Simonov, N. S. (1996). *Voenno-promyshlennyi kompleks SSSR v 1920–1950-e gody : tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiia proizvodstva i upravlenie* [The Military-Industrial Complex of the USSR in the 1920s — 1950s: the Pace of Economic Growth, Structure, Organization of Production and Management]. Moscow : Rosspen. [In Russian].

Slovo protiv torgovogo maroderstva [The Word Against Commercial Looting]. (1916). *Tul'skie eparkhial'nye vedomosti*, (21–22), 266–274. [In Russian].

Sobor episkopov Pravoslavnoi Tserkvi [The Council of Bishops of the Orthodox Church]. (1943). *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (1), 6. [In Russian].

Solovei, G., Archpriest. (1955). *Mezhdzhu zhizn'iu i smert'iu: stranichki iz vospominanii* [Between Life and Death: Pages from Memories]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, (10), 37–40. [In Russian].

Stalin, I. V. (1943). *O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soiuza* [On the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow : Izd-vo lit. na inostr. iaz. [In Russian].

Stalin, I. V. (1948). *O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soiuza : (Doklady, rechi, vystupleniia i prikazy)* [On the Great Patriotic War of the

Soviet Union : (Reports, Speeches, and Orders)]. Moscow : Voenizdat. [In Russian].

Surkov, S. A. (2012). *Mitropolit Nikolai (Iarushevich). Materialy po istorii tserkvi* [Metropolitan Nikolai (Yarushevich). Materials on the History of the Church] (Book 48). Moscow : Izd-vo Krutitskogo patriarshego podvor'ia : O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Khotovitsky A., Archpriest. (1915). Dobro pozhalovat'! [Welcome!]. *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (2), 5–6. [In Russian].

Khotovitsky A., Archpriest. (1915). Chem otzovetsia Gel'singforskii prikhod? [How Will the Helsingforsky Parish Respond?]. *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (5), 1–4. [In Russian].

Chrezvychainaia komissiiia [Emergency Commission]. (1915). *Missionersky sbornik*, (7–8), 652. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (2005). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve: (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 gg.)*. *Materialy po istorii tserkvi. Kn. 24* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: (State-Church Relations in the USSR in 1939–1964). Materials on the History of the Church. Book 24]. Moscow : Izd-vo Krutitskogo patriarshego podvor'ia : O-vo liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Iasli [Nursery]. (1915). *Gel'singforsky prikhodskoi listok*, (7), 8–9. [In Russian].

About the author:

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin) — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theology at the Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Secretary of the Bishops' Council of the Ivanovo Metropolia, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.